

САКРАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ТЕКУЩИЙ ПРОЦЕСС В КУЛЬТУРЕ ЮГАНСКИХ ХАНТОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Рассматривается процесс формирования сакрального пространства у группы хантов, переселившихся на новую территорию. В центре внимания находятся ханты р. Большой Юган из Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа, переселившиеся в 1940–1970-х гг. в бассейн соседней р. Демьянка, где к тому времени местное хантыйское население уже исчезло. Относительная недавность истории переселения позволяет рассмотреть сакрализацию ландшафта не как реконструкцию событий далекого прошлого, а как активно развивающийся процесс настоящего времени. Представлены характеристика местных почитаемых объектов ландшафта и история их появления. Сакральные локусы распределены по отдельным категориям, исходя из их происхождения и особенностей культовой практики. Отдельно рассматриваются объекты, относящиеся к наследию исчезнувшего местного населения, культовые места поселений, святилища, появившиеся в результате «стандартной» и «оказиональной» сакрализации. Делается вывод, что сакрализация территории стала одним из важных оснований для переселенцев считать землю своей родиной.

Ключевые слова: юганские ханты, бассейн р. Демьянка, сакрализация пространства, объекты ландшафта, миграции.

В последние десятилетия отечественными и зарубежными исследователями активно изучаются проблемы сакрализации ландшафтов этническими коллективами. Рассматриваются, в частности следующие проблемы: этапы сакрализации и ее обусловленность культурными, историческими, природными и иными факторами (см., например: [Анисимов, 2011; Савинов, 2010; Вах, 1993; Florinsky, 2010]). В этнографическом изучении культовых мест народов Сибири один из наименее изученных аспектов – это непосредственный процесс формирования сакрального пространства. При этом большой интерес представляют как начальный этап сакрализации, так и ее динамика в современных условиях, чем и определяется актуальность исследования.

Процесс освящения пространства этносом, как идущий параллельно с освоением, рассматривался В. Л. Огудиным, который выделил в нем четыре уровня: собственно заселение природной среды; районирование ее в зависимости от религиозных воззрений;

формирование религиозно-мифологической системы и функционирование внутри нее религиозно-экологического сознания [2001. С. 24–30]. Этническая миграция далеко не всегда включает все перечисленные уровни в полной мере. В случае переселения отдельной этнической группы на смежную, пустующую территорию, мало отличающуюся по своим природно-климатическим условиям, больших изменений в религиозно-мифологической системе группы произойти не должно. Свое проявление здесь находит, главным образом, сакральное районирование, напрямую связанное с локальными особенностями новой местности. Изучение этого интереснейшего феномена весьма проблематично, ввиду сложности самой его фиксации в настоящем времени.

Удобная возможность рассмотреть данные вопросы представляется на примере территориальной группы юганских хантов, которая, с одной стороны, имеет высокий уровень сохранности традиционной культуры, с другой – в последние 70–100 лет де-

монстрирует уникальный опыт заселения сопредельных ареалов, где местное хантское население уже исчезло. Культурная адаптация к новой территории, духовное освоение пространства предстают, таким образом, здесь живым, сиюминутным процессом. Соответственно, новизна данной работы состоит в рассмотрении сакрализации ландшафта не как реконструированного процесса далекого прошлого, а как активно развивающегося процесса настоящего времени.

Цель исследования – представить текущую сакрализацию осваиваемой территории в хронологии появления почитаемых локусов с выявлением обусловленности их возникновения. Применяемые методы исследования – структурный и системный анализ. Хронологические рамки работы охватывают середину XX – начало XXI в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, изучением происходящих в этот период процессов и состоянием источниковой базы по теме исследования.

Юганские ханты, исторически населявшие бассейн р. Большой Юган (современный Сургутский р-н Ханты-Мансийского автономного округа), относятся к восточной этнографической группе своего народа. Это типичные жители глубинно-таежных территорий, основу их традиционного хозяйственного комплекса составляли запорно-сетевое рыболовство, охотничий промысел и транспортное оленеводство. Освоение ими сопредельных территорий было связано, прежде всего, с промысловыми интересами. В XIX–XX вв. юганцы активно заселяли бассейны соседних рек Салым, Балык, Демьянка, Васюган, где имелось свое хантское население, отличающееся от них в культурном и языковом отношении. Причем на реках Салым и Демьянка они постепенно преобладали по численности и заместили исконных жителей. Характер взаимоотношений юганцев с местными хантами и сам процесс обретения новой родины на этих двух территориях заметно отличались.

С салымскими хантами юганцев связывали давние дружеские и родственные связи. В легендах и мифах этих территориальных групп есть сюжеты о военных союзах, общих пирах и междинастических браках местных богов и богатырей. Показательно, например, что дух-хозяин р. Большой Юган, Яун-ики, считается свяжком (братом жены)

духа-хозяина р. Салым, Сотым-тэ-ики [Салымский край, 2000. С. 67–69]. Хантов двух территорий связывали давние брачные связи. В конце XVIII в. от общего числа зарегистрированных браков салымцев 10 % приходилось на волости бассейна Югана [Мартынова, 1998. С. 20]. Когда в 1920–1930-е гг. часть юганцев осела на р. Салым, они были изначально в добрососедских отношениях с местными хантами. Живя в течение нескольких десятилетий бок о бок с салымцами, юганцы во многом переняли местные сакральные традиции, правила и ограничения, касающиеся урочищ, природных объектов, культовых мест.

Совершенно по-другому складывались события переселения юганцев в бассейн соседней р. Демьянка. В фольклоре юганских хантов запечатлелись сюжеты былых военных конфликтов с жителями этой реки, в которых тяжелые потери несли обе стороны. В сказаниях Демьянка даже стала местом гибели легендарного героя-богатыря юганцев – Тоньи [Мартынова, 2002. С. 89]. Не были связаны жители рек Большой Юган и Демьянка и устоявшимися брачными союзами – это подтверждают как архивные источники прошлого (см.: [Мартынова, 1998. С. 18, 141]), так и наши полевые этнографические материалы. Кроме того, местные демьянские ханты длительное время были в значительной степени пространственно изолированы от юганцев: став малочисленными в результате эпидемий, к концу XIX в. они сосредоточились в низовьях Демьянки, тогда как юганцы в своих регулярных охотничьих экспедициях посещали в основном районы среднего и верхнего течения реки. В первые десятилетия XX в. демьянские ханты подверглись значительной ассимиляции русским населением и к концу 1970-х гг. вообще прекратили свое существование, как этническая группа. Юганцы стали заселять бассейн р. Демьянка в 1940–1970-е гг., и активный процесс сакрального районирования местного ландшафта начался для них именно с этого времени.

Несмотря на имевший место контакт между представителями двух локальных групп, преемственности во владении территорией не произошло. Демьянские угодья в среднем течении и верховьях достались юганцам почти без сакрального «подтекста», с непонятными во многом топонимами (языковые диалекты групп различались

весьма значительно). Впрочем, часть топонимов распознавалась ими с той или иной степенью достоверности, при этом названия географических объектов обычно претерпевали заметную коррекцию: р. Итки-ега – Ики-ега («стариковская»), р. Калемьяга – Кэлим-ии («пузырьковая»), р. Грамбал – Тарын-пев («жареная»). Происходило и самостоятельное имянаречение объектов, нередко по причине их сакрализации.

Таким образом, именно здесь, в бассейне Демьянки, можно в наиболее чистом виде наблюдать непосредственный процесс сакрализации территории: выделение из общего ландшафта отдельных почитаемых объектов или участков, наделенных мифологической семантикой. Причем, в отличие от некоторых других культур, для обско-угорской традиции не свойственно жесткое деление подобных мест на «святые» и «страшные» (см.: [Мороз, 2009]). Название «емынг» (святой) и потенциальная опасность для человека для хантов могут быть одинаково связаны с объектами, несущими как позитивную, так и негативную мифологическую семантику. Попытаемся систематизировать сакральные объекты юганских хантов на р. Демьянка по отдельным категориям.

К настоящему времени юганским хантам известны на карте р. Демьянка¹ лишь единичные сакральные объекты, связанные с наследием исконного населения. Все они имеют отношение к духу-хозяину реки – Саргат-ики (Саргатский мужчина). Дух-хозяин крупной реки, к которой тяготеет локальная группа хантов, является для ее представителей одним из важнейших мифологических персонажей. Соответственно, место его хранения – как правило, главное святилище всей территории. Изваяние духа-хозяина р. Демьянка хранилось в священном лабазе на участке реки между поселками Грамбал и Немское (среднее течение). Юганцы еще в середине XX в. приносили подношения Саргат-ики через посредничество хранителя из числа демьянских хантов, а когда тот умер, следы культового изваяния затерялись [Адаев, 2007]. В середине 1980-х гг. юганцы неоднократно проводили поиски святилища, но все они оказались безрезультатными. Тем не менее в районе предпола-

гаемого нахождения священного лабазы юганцы совершали жертвоприношения для духа-хозяина р. Демьянка. Вероятно, если бы поиски культового изображения увенчались успехом, мы бы стали свидетелями уникального феномена культурной преемственности двух территориальных групп хантов.

С фигурой Саргат-ики юганцы связывают еще несколько почитаемых мест: расположенные в 50 км ниже по течению Демьянки высокий узкий мыс Саргат-ики-эвет (считается, что на нем некогда стояли богатыри-охранники хозяина реки) и священный омут (*емынг-мыхлем*). Юганские ханты верят, что на мыс выше первой террасы им подниматься нельзя, здесь они иногда бросают монеты. Проезжая же священный омут, нужно обязательно бросить в воду монетку или вылить туда же немного спиртного. По полевым материалам, собранным среди русского старожильческого населения, известно, что в середине XX в. юганцами почитался еще один культовый объект демьянских хантов – священный кедр, расположенный в ныне обезлюдившем пос. Лумкой (нижнее течение Демьянки). Приезжавшие в поселковый магазин юганские промысловики привязывали на кедр лоскуты ткани и проводили жертвоприношения. В качестве жертвенных животных выступали бараны и петухи, купленные у местных жителей. Нынешнее же поколение юганских хантов о священном кедре в пос. Лумкой уже не помнит. Старое культовое место Саргат-ики также является с конца 1980-х гг. недействующим. Есть основание говорить о постепенной утрате знаний и культовой практики в отношении данной категории почитаемых объектов на Демьянке.

Для юганцев, как и для других территориальных групп обских угров, характерно наличие возле поселений священных лабазов, где хранятся изображения поселковых духов-покровителей, обеспечивающих людям здоровье, благополучие и удачу в промысле. Духам-покровителям ежегодно совершались жертвоприношения, в том числе с заклинанием животных. Переселившиеся на Демьянку юганцы оказались удалены от своих родовых святилищ. Немногие из них, чьи демьянские селения были расположены наиболее близко, выезжали раз в несколько лет к своим прежним святилищам для со-

¹ Протяженность реки – более тысячи километров, площадь бассейна – около 35 000 кв. км.

вершения необходимых подношений. Так поступали, например, семьи хантов Тайлаковых, проживавших в верховьях Демьянки.

Ни в одном из демьянских поселений юганцев не было своих культовых лабазов. По этой причине у них сложилась довольно своеобразная культовая практика. На небольшом удалении от каждого поселка, в лесной роще было определено место для совершения жертвоприношений. На месте отсутствовали какие-либо постройки, непременным условием было лишь наличие определенных пород деревьев. Здесь ежегодно (обычно осенью и весной) жертвовались отрезки ткани наиболее почитаемым мифологическим существам: Санки (белая ткань, вешавшаяся на березе), Тарн (красная ткань – на сосне), Яун-ики и Саргат-ики (ткань любого цвета, кроме черного – на березе или сосне). Подобные культовые места рядом с поселениями были зафиксированы и у юганцев на р. Салым [Салымский край, 2000. С. 277], однако там, в отличие от р. Демьянка, не совершались подношения главному духу-хозяину реки.

В свое время К. П. Черемисина отметила некоторые критерии определения священного локуса хантами: «место должно отличаться от окружающего ландшафта, быть увиденным во сне или иметь предметы, обладающие орнитоморфными, зооморфными или антропоморфными чертами» [2010. С. 15]. Нами отмечены у демьянских юганцев некоторые более четкие стандарты, позволяющие идентифицировать географический объект в качестве сакрального. Так, к числу священных мест юганцы, как правило, относят крупные лесные бугры и большие омута на речных поворотах.

Лесные бугры (*кот-мых* – «дом земли»), размером от нескольких десятков до нескольких сот метров, резко выделяются из окружающего ландшафта. Нередко на них произрастает специфическая растительность, яркие цветы, в связи с чем по отношению к ним иногда употребляется эпитет «цветные бугорки». Здесь, как правило, нельзя вести какую-либо хозяйственную деятельность, взбираться наверх. Такому месту приписывается наличие сверхъестественного хозяина: «В каждом кот-мыхе *вонт-лунх* [лесной дух] *есть*» (ПМА: Усанова М. А.). Подобные объекты зафиксированы, в частности, в районах поселков Калемьяга, Рагаиз, Усть-Урна (3 объекта) и

Ярсино. Проходя мимо такого бугра, ханты обычно оставляют небольшие подношения (например, монеты), реже привязывают отрезки ткани. В пос. Калемьяга русские старожилы, жившие бок о бок с хантами, переняли данную традицию, они привязывали ткань на бугре «для фарта» (удачи в промысле) и «в исполнение обета» (обещания Богу).

Большое опасение у хантов вызывают крупные омута, задерживающие и крутящие лодки. Здесь также предполагается наличие своего сверхъестественного хозяина: «На каждой большой речке такое плохое место есть. Я не знаю, плохое или святое место, как сказать... *Лунх там живет*» (ПМА: Усанова М. А.). Иногда подтверждением необычности омута служат и другие факты, например на омуте у р. Ершовка видели «след какого-то большого зверя» (ПМА: Усанова А. А.). Почитаемые омута отмечены у поселков Калемьяга, Лянтино, близ устьев рек Урна, Ершовка. Вполне возможно, что священный статус омута, расположенного близ мыса Саргат-ики-эвет, был также определен самими юганскими хантами, а соседство с почитаемым мысом лишь придало омуту еще более высокое значение. Проезжать такие места стараются самым краем, совершая необходимые подношения в виде спиртного или монет. Есть единичная информация о священном статусе, присутствующем речным прорвам, особенно недавним (например, прорва в районе пос. Усть-Урна).

Особым отношением могут пользоваться и некоторые более мелкие объекты, например, пораженные молнией деревья – их древесину нельзя использовать на дрова и бытовые поделки. Так, в пос. Ярсино до сих пор лежат нетронутыми части ствола старой пихты, разбитой молнией.

Выделение следующей категории объектов из общего ландшафта имеет отношение к более тонкой материи, зиждящейся на таинственных знаках и символах, человеческих чувствах и интуиции. Сакрализация подобного рода, довольно случайная по своей сути (назовем ее по этой причине «оказиональной»), достигает апогея в плане появления разнообразных запретных территорий (где нельзя ходить, промышлять, шуметь, выходить на берег и т. д.). Одной из местных особенностей является отсутствие обширных запретных участков русла самой

р. Демьянка (юганцы их не знают), в то время как на их исторической родине, р. Большой Юган, такие места имеются.

В окрестностях же Демьянки запретные территории появлялись и продолжают появляться постоянно. В итоге места бывшего активного промысла перестают посещаться и воспринимаются уже как опасные для человека. Знаком потенциальной опасности водных объектов нередко становится появление *вэса* (мамонта). На водоемах, отмеченных пребыванием *вэса*, опасаются даже просто ездить на лодке. Жители пос. Усть-Урна наблюдали нечто странное на оз. Васькино: *«Всплывал вэс, не вэс, но хвост видел»* (ПМА: Тайлаков Л. И.). На крупном оз. Нэйви-лор (Белое) рядом с пос. Нефедово ханты рыбачили до странного происшествия, случившегося с В. И. Ярсиним, которое было истолковано как встреча либо с *вэсом*, либо с «чертом». Несколько местных озер, ныне запретных для промысла (в верховьях р. Кыскас и у истока р. Васькина), даже получили у юганцев громкое название «Вэ-сын-лор» (Мамонтовое).

Можно отметить несколько дополнительных внешних критериев, по которым озеро может приобрести статус «опасного»: сильная прозрачность воды (на дне становятся видны пугающие крупные объекты, поросшие растительностью) и значительная глубина водоема. Так, постепенно прекратилась хозяйственная деятельность хантов пос. Ярсина на болотном озере в верховьях р. Пекман: *«На этом озере теперь не рыбачим (раньше по нему дедушка дорожку [рыболовную снасть] таскал). Там прозрачно, видно все, а тычки до дна не достают. Щуки там здоровые попадаются, а утки не садятся»* (ПМА: Ярсин С. И.). Жительница пос. Казак видела на оз. Б. Тавли, как *«кочки сами собой двигаются, а ни ветра, ничего нет»* (ПМА: Усанова М. А.). С тех пор на озере никто не рыбачит, и само оно стало называться Атым-лор (Плохое).

Подобные запретные территории «на суше» единичны. В качестве их юганцы указывают несколько возвышенностей (не относящиеся к *кот-мыш*) у поселений Казак и Трамбал, где люди также заметили что-то необычное. А. А. Усанова: *«На Казаке есть высокое место, где нельзя дрова рубить – там лунх живет. Отец сказал нам, что нельзя там ничего делать. Откуда он узнал, не знаю»* (ПМА: Усанова А. А.). Кроме того,

существует большой болотный о. Паур, расположенный в междуречье Кеума и Тямки, он является старейшим почитаемым объектом юганцев на данной территории. Согласно легенде, записанной у хантов Тайлаковых, именно на о. Паур некогда были убиты людьми последние *манг-ики* (лесные великаны-людоеды): *«Это место сейчас святое тоже, там нельзя ни ночевать, ни переходить – где манг-ики жили»* (ПМА: Тайлаков Я. И.).

Интересным феноменом является наличие на р. Демьянка ареала «проклятой земли», где можно проезжать или заниматься промыслом, но нельзя селиться. Таковым считается участок реки между поселками Трамбал и Калемьяга (место расположения объектов, связанных с образом Саргат-ики). О проклятии свидетельствует легенда, записанная в семье Тайлаковых. Она повествует о военных столкновениях юганских и демьянских хантов, в заключение которых два юганских богатыря *«заклинали Демьян, чтобы от Трамбала до Калемьяги никто не жил, не родился»* (ПМА: Когончин В. Л.). Подтверждением действительности проклятия для юганцев служит то, что судьбы хантйских семейств, живших на этом участке до 1960-х гг., в своем большинстве сложились трагически, и они покинули территорию.

Важно отметить, что в отношении легенды о проклятии демьянской земли неожиданным образом проявляется самоидентификация нынешних демьянских юганцев. В пересказе легенды, они подчас начинали говорить о жителях Югана «они», а о месте, куда те пришли, – «к нам». Иначе говоря, территория Демьянки постепенно начинает восприниматься ими как своя, и процесс сакрализации несомненно играет немалую роль в этом освоении земли.

Кроме этого вывода, существенным итогом настоящей работы является установление четких критериев и условий, по которым юганскими хантами выделялись из общего ландшафта почитаемые объекты, а также хронология и география их появления. Полученная информация позволяет уже сейчас составить подробную карту хантйских сакральных мест на р. Демьянка. Есть основания предполагать, что количество запретных (опасных для человека) священных объектов на данной территории будет увеличиваться, но уже в менее интенсивном режиме, тогда как культовые лабазы возле

демьянских поселений в обозримом будущем вряд ли появятся.

Список литературы

Адаев В. Н. Ушедший хозяин Демьяна (Почитание хантами духа-хозяина р. Демьянка в XX в.) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 2006. Тюмень, 2007. Вып. 20. С. 186–205.

Анисимов Н. П. Секияз-Тамак: предопределенность сакрализации ландшафтов // Время. Ландшафт. Культура. СПб., 2011. Вып. 2. С. 45–48.

Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1998. 236 с.

Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 82–91.

Мороз А. Б. «Святые» и «страшные» места. Создание сакрального пространства в традиционной культуре // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. М., 2009. С. 259–269.

Огудин В. Л. Экологическая функция религии // ЭО. 2001. № 1. С. 23–38.

Савинов Д. Г. К изучению сакрального ландшафта: природные объекты и процессы сакрализации // Homo Eurasicus в сакральных ландшафтах древности. 2010. URL: <http://homo.eurasicus.land.ru/sbornik2010/savinov.htm> (дата обращения 10.03.2013).

Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.

Черемисина К. П. Сферы сакрального и обыденного в традиционной хантыйской культуре: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 20 с.

Vax M. Power and the Definition of the Sacred: Popular Religious Regime Formation in Former Yugoslavia // Etnološka tribina. 1993. Vol. 23. No. 16. P. 119–132.

Florinsky I. V. Sacred Places and Geophysical Activity // Man and the Geosphere. N. Y., 2010. P. 215–255.

Полевые материалы автора

Когончин Вячеслав Лисакович, 1969 г. р., пос. Усть-Урна Уватского района Тюменской области, запись 2005 г.

Тайлаков Лазарь Иванович, 1959 г. р., пос. Усть-Урна Уватского района Тюменской области, запись 2003 г.

Тайлаков Яков Иванович, 1949 г. р., пос. Усть-Урна Уватского района Тюменской области, запись 2005 г.

Усанова Анна Александровна, 1949 г. р., пос. Казак Уватского района Тюменской области, запись 2003, 2005 г.

Усанова Матрена Александровна, 1951 г. р., пос. Рагаиз Уватского района Тюменской области, запись 2005 г.

Ярсин Семен Иванович, 1953 г. р., пос. Ярсин Уватского района Тюменской области, запись 2003 г.

Материал поступил в редколлегию 22.03.2013

V. N. Adaev

SACRALIZATION OF SPACE AS THE CURRENT PROCESS IN THE CULTURE OF THE KHANTY MIGRATED FROM THE YUGAN-RIVER

The article deals with the process of forming of sacred space by the group of the Khanty, migrated into a new territory. The focus of the article is on the Yugan Khanty community of Surgut region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug, that migrated between the 1940s and 1970s at the valley of the nearby Demyanka-river where local Khanty population has disappeared. Recentness of the history of the relocation allows us to consider the sacralization of the landscape as not just as reconstructed events of the past but as actively developing process of the present time. There are characterization of the local honored objects and the history of their appearance in this paper. The sacred locuses are organized in separate categories, based on their origin and characteristics of religious practices. There are represented the following distinct categories: objects related to the heritage of the disappeared local population, sacred places of settlements, and sanctuaries, resulting from the «standard» or «occasional» sacralization. The author concludes that the sacralization of the territory has become one of the important reasons for the settlers to consider the land as their home.

Keywords: Yugan Khanty, Demyanka river valley, sacralization of space, objects of landscape, migrations.